

ВЫСЛУШАЙТЕ МЕНЯ

Как колёса требуют смазки,
как детишки требуют сказки
или как письмо почтальона,
на исходе любого дня,
так я требую исступлённо,
чтобы выслушали меня.

Я уже на вашем пороге,
я уже вытираю ноги,
я стою у дверей, звоня,
посидим за бутылкой вместе,
уделите мне лет так двести.

ВЫСЛУШАЙТЕ МЕНЯ

...И когда я уже начинал засыпать,
растворённый ночным июнем,
он пришёл и сел на мою кровать,
весь прозрачный, хрупкий и юный,
и сказал, коснувшись моей руки,
осторожно, как пробуют лёд:
«Я пришёл из-за самой дальней реки,
где разбился последний пилот.
Он лежал на земле, прижимался к ней,
и дыханье его кончалось,
только лишь в одном голубом окне
голубая свеча качалась.
Я не спас его, я пошёл в твой дом,
и когда ступил на порог —
то в дверях столкнулся
 с последним сном
и его пропустил вперёд.
Так вставай! Я тебя назначаю лететь
вместо тех, кто разбился, мчаться...»
Я воскликнул:
 — Кто ты?
 — Я — Новый День,
я пришёл. Я уже начался.

ТРОЛЛЕЙБУС

Он всё-таки возник, троллейбус,
в квартале сером и пустом,
когда я размышлял, колеблясь,
не лучше ли пойти пешком.
Ругал я транспорт и судьбу,
меня сомненья одолели:
троллейбус этот в самом деле
существовал когда-нибудь?
А он по своему маршруту
пришёл, покачиваясь чуть...

И я подумал в ту минуту:
вот так бы мне когда-нибудь
дойти до вас, как кровь по венам,
как боль по лезвию ножа,
когда в меня не станут верить,
когда меня устанут ждать.

* * *

О, тоненько звеня, воскресни,
блесни кометой,
натянутая струнка песни,
ещё не спетой...
уже не спетой.

* * *

и хлопнет дверь как стартовый сигнал
рванёмся к финишам и каждый к своему
ты не заметь как я споткнулся и упал
и больше головы не подниму
уходят в небо ленточки дорожек
и мы стремимся именно туда
но каждый сантиметр всё дороже
и каждый ощутимее удар
и я не добегу а ты уж выдержи
шпарь через боли планки не задев
пускай себе орут с трибун подвыпивших
пусть мы им не по нраву не за тем
на старте хлопнул пистолет и он
велел искать на спринтерской беду ...

Какой, к чертям собачьим, стадион?
Перила. Ночь. По лестнице иду.

* * *

Не радостная невесомость,
не водка на чужом пиру,
а лишь истерзанная совесть
толкнёт к бумаге и перу.
Стихи слагаются о боли,
и больше нет на свете тем,
всё остальное — лишь обои,
которые сорвут со стен.

* * *

Мне снился сон, как будто рифмы
Вываливаются из строк,
Как окровавленные бритвы
Из разжимающихся рук —

И сразу сталь
Покрылась ржавью,
Погасла синяя звезда...
Мир развалился. Он держался
На рифмах, а не на гвоздях.

* * *

а если до утра не спал ты
гадая что же впереди
чтоб окончательно не спятить
скорей на улицы иди
пройди по спинам их одетым
непромокаемым дождём
где бродят старики и дети
и знают что нас дальше ждёт
там словно в вечности летящей
вобравшей запах слёз и смол
старушка опускает в ящик

своё последнее письмо
не ведая о том письме
детишки во дворах подсолнечно
глядят на солнце все в песке
и эти детские песочницы —
песочные часы веков
перетекает в них позванивая
наивный опыт стариков
в премудрость детского незнания

МИНУТНОЕ

Что-то режет глаза...
Тяжело голове...
Боль в сердце — непостижимая...
Перережу
колючую проволоку вен
и сбегу
из концлагеря жизни!

* * *

И вдруг в природе каждый атом
стал ясно виден — и глаза
сместились в сторону куда-то,
и оказались вне лица,
и забрели в седую чащу,
бездомные, как светляки,
вбирая каждый лист летящий
и каждый поворот реки.
Мотались тени по поляне,
как ключ, надетый на брелок,
и становилась им понятней
вся призрачная суть берёз,
а я,
 безглазый,
 лепестал,

уткнувшись кулаками в Землю,
что наступила слепота,
пока не понял, что прозренье.

БАЛЛАДА ПАДЕНИЯ

Л. Блехеру

А я вот славлю не нападение,
а отступление и падение,
ведь на дымящихся баррикадах
не только драться — и падать надо!
Я славлю падающих от усталости,
я славлю каждого, кто опускается
на два колена перед святой,
хрустальной, словно олень, красотой;

о, эти осени листопадные,
о, эти осени звездопадные,
о, снегопадные зимы эти!

Как парашют — за спиной планета...
Что б мы ни делали — всегда летим.
Полёт с падением неразделим!

Пусть с мотоциклов на страшной скорости
слетают навзничь на травы скошенные,
пусть аргументом, решившим спор,
с размаху ваза летит об пол,
причёской слипшейся упав на пульт,
пусть физик слышит эпохи пульс,
пусть
и я когда-нибудь упаду,
в высоту!
падает

птица

как